

Новые перспективы в изучении искусства Балтийского региона X–XII вв.: проблемы влияния стиля борре на искусство Древней Руси

Н. Н. Точилова

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица,
Российская Федерация, 191028, Санкт-Петербург, Соляной пер., 13–15

Для цитирования: Точилова, Надежда. “Новые перспективы в изучении искусства Балтийского региона X–XII вв.: проблемы влияния стиля борре на искусство Древней Руси”. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 13, no. 2 (2023): 361–375.
<https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.209>

Задача исследования заключается в изучении процесса развития скандинавского искусства за пределами Скандинавии на территориях, активно включенных в кросс-культурные контакты. Основное внимание сосредоточено на процессе влияния элементов стиля борре на прикладное искусство Северо-Западной Руси X–XII вв. Главным источником художественного воздействия в данном случае являются не страны Скандинавии, а территории распространения скандинавского искусства — Польское Поморье и Британские острова. В результате анализа ряда произведений из дерева, кости и камня и выявления стилистических аналогий выделяется ряд одинаковых элементов декора, где основными элементами орнамента являются сильно упрощенные мотивы борре, главными элементами которых становятся цепочки и мотив чешуи, дополненные двойным контуром и штриховкой. Процесс ассимиляции стиля борре в прикладном искусстве Северо-Западной Руси можно проследить на примере развития декора деревянных предметов из раскопок Древнего Новгорода. Если в X в. сложение этого искусства проходит под влиянием изобразительной традиции эпохи викингов, то в дальнейшем наблюдаются типизация и схематизация основных декоративных мотивов, бытование которых можно проследить до конца XII в.

Ключевые слова: искусство эпохи викингов, древнерусское искусство, декоративно-прикладное искусство, Великий Новгород, славяне и скандинавы, эпоха викингов на Руси, Польское Поморье, искусство и археология.

Эпоха викингов на Северо-Западе Руси представлена целым спектром археологических памятников, позволяющих наиболее полно проанализировать исторические процессы, проходившие на данной территории. Изучение материальной культуры в рамках археологических исследований, как правило, опирается на сравнительно-типологический метод, а основное внимание исследователей сосредоточено на изучении находок из металла, стекла, камня и керамики. Чаще всего это обусловлено худшей сохранностью предметов из органических материалов. С другой стороны, именно материалы неорганического происхождения позволяли создавать повторяемые формы, легко укладываемые в типологические схе-

мы. Создание большого количества единообразных произведений из дерева или кости невозможно, так как каждый предмет создавался заново. Резчик сохранял индивидуальность художественного почерка даже в случае повторения каких-либо орнаментальных схем. Именно это делает актуальным искусствоведческий анализ, позволяющий выявить новые аспекты развития искусства эпохи викингов на Руси, которые развивались в отрыве от оригинальной скандинавской традиции и в конечном итоге привели к формированию самостоятельного явления в искусстве. Фокус внимания в данном случае необходимо сосредоточить на уникальной археологической коллекции древнего Новгорода, включающей большое количество художественных предметов из дерева и кости.

Стиль борре, получивший свое название по имени одного из курганных захоронений в Вестфолде (Норвегия), является первым стилем, открывающим искусство эпохи викингов. Его расцвет приходится на начало IX — первую половину X в., хотя существует ряд находок, маркирующих присутствие элементов борре во второй половине X в. и в конце этого столетия. Борре демонстрирует максимальную вариативность образов, встречающихся на всех территориях распространения скандинавской культуры. Новгородская археологическая коллекция дает возможность составить наиболее цельное представление о развитии этого стиля на Руси. Борре в классическом варианте представлен в Новгороде в основном изделиями из металла [1, с. 771, 773–5, 779]. Среди резных деревянных предметов встречается одна находка — рукоять чаши середины X в. (Неревский раскоп, 1961, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (НГОМЗ)), декорированная узлом борре, имеющим прямое сходство с его классическими примерами [2, pl. XXVII] (рис. 1.1). Согласно Б. А. Колчину, это изделие относится к группе резных сосудов, изготавливаемых из капа, которые бытовали в Новгороде в X — начале XI в. [3, с. 11, 44].

Основными элементами стиля борре являются скрученные в кольцо фигуры зверей, а также изображение распластанного, хватающего себя животного. Еще один мотив — фигура перекрученного животного, смотрящего назад. Помимо характерных фигур хватающих зверей, одним из отличительных стилистических признаков этого стиля является цепочка. Этот элемент состоит из двух симметричных, переплетающихся полос, каждое пересечение которых ограничивается полукруглыми или треугольными отрезками [5, p. 139; 2, p. 88]. Также встречаются изображения отдельных звеньев, представляющих сочетание ромбовидных и заостренных петель. Мотив получил широкое распространение на территории всей Скандинавии и за ее пределами, трансформировавшись в специфический вариант борре в колониальном искусстве эпохи викингов, получившем название островного (*Insular art*). Первоначально этот термин применялся в отношении описания и анализа резьбы монументальной каменной скульптуры Британских островов. Одним из его основных мотивов является мотив гаута — один из ключевых в искусстве Британских островов эпохи викингов [6, p. 248, 254], встречающийся на предметах из камня, металла и кости [6; 7] (рис. 2.1–2.2). Его происхождение необходимо искать в стиле борре, а точнее — в одном из наиболее характерных для него мотивов цепочки [4, p. 88], состоящей из треугольного элемента с расходящимися краями, плавно перехваченными плоскими петлями. Эта композиция, широко распространенная в декоре металлических изделий, в конечном итоге сводится к максимально лаконичной фигуре треугольника [8, p. 89] (рис. 2.3–2.4).

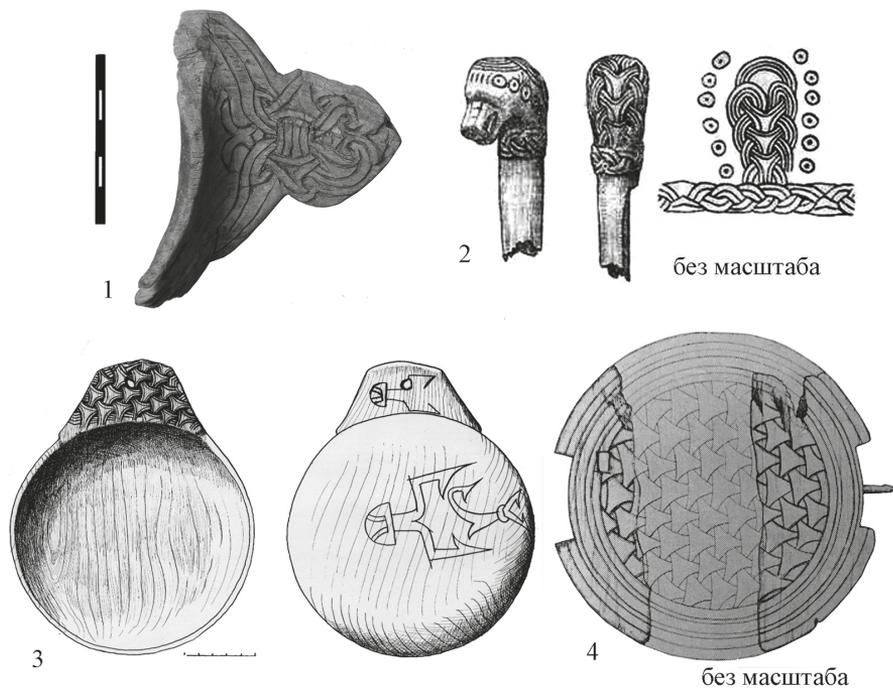

Рис. 1. Искусство эпохи викингов в Древнем Новгороде X в.

1.1. Фрагмент ручки резной чаши. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции: Н-1951–1962; 1.2. Зооморфное навершие [4, с. 39]; 1.3. Резная чаша со знаком рюриковичей. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции: Н-1955, Нер. 28-31-901; 1.4. Фрагмент крышки кадки [4, таб. 1, № 15]

Периферийный вариант развития стиля борре представлен в новгородской археологической коллекции очень ограниченным количеством вещей, датировка которых очерчивается рамками X в. Классический вариант мотива гаута встречается на одном из новгородских зооморфных изображений (Неревский раскоп, 1956, не сохранилось) [4, с. 39], обнаруженных в заполнении колодца усадьбы «К» Неревского конца [9, с. 44] (рис. 1.2).

Еще один ранний предмет, декор которого находит непосредственные стилистические аналогии преимущественно в каменной резьбе Британских островов эпохи викингов, — это небольшая плоская деревянная чаша с одной ручкой, обнаруженная в материковой яме на Неревском раскопе в 1955 г. на территории усадьбы «Б» [9, с. 72] (рис. 1.3). Чаша сохранилась полностью, но была разломана на несколько кусков [4, с. 10]. Уникальность этой находки обусловлена не только особенностями ее декора, но и наличием княжеских знаков, являющихся лично-родовыми знаками Рюриковичей [10, с. 252; 11, с. 438].

Лицевая сторона ручки покрыта декором из треугольных элементов, образующих подобие чешуи. Каждая «чешуйка» подчеркнута аккуратным двойным контуром, а образовавшиеся между ними пустоты заполнены аккуратной штриховкой. Второй раз среди артефактов, найденных на раскопах в Новгороде, этот декор встречается на крышке от кадки, обнаруженной на усадьбе «Е» [9, с. 65] и датируемой вто-

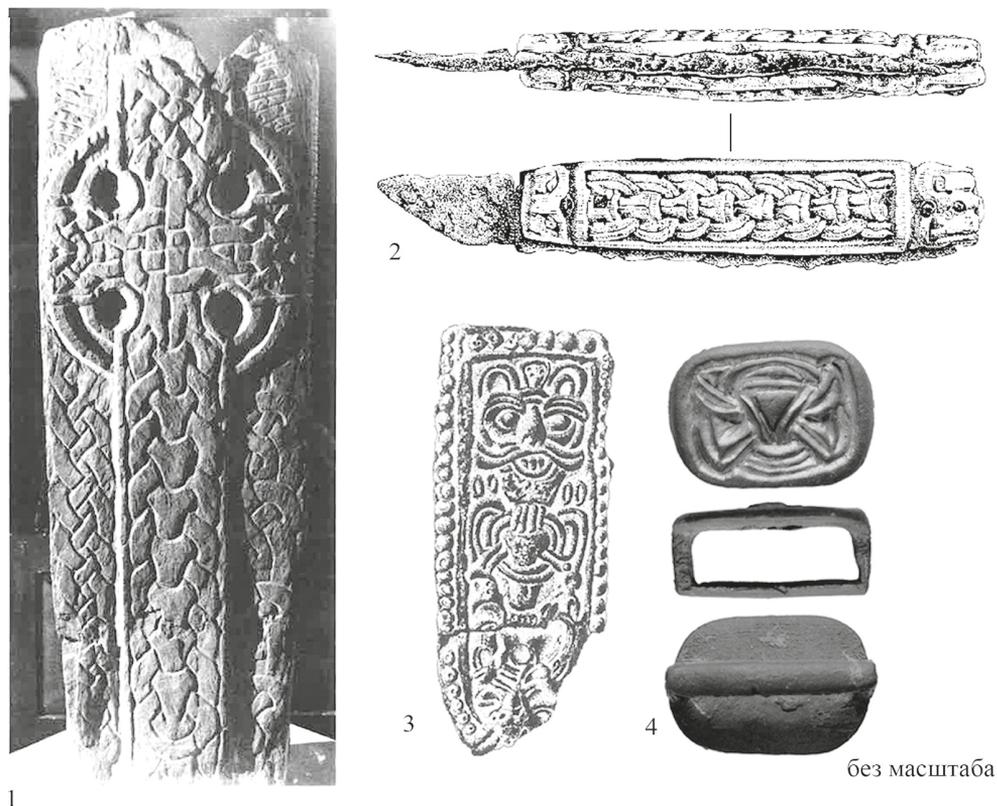

Рис. 2. Мотив гаута и его происхождение

2.1. Крест с мотивом *Gaut's ring*, церковь Св. Михаила, о. Мен [6, р.255]; 2.2. Нож из Кентерберри [7, р.131]; 2.3. Языковидная фибула из Престигарден [8, р.90]; 2.4. Деталь поясной гарнитуры, Хеннингтон, Хемпшир [8, р.89]

без масштаба

рой половиной X в. (Неревский раскоп) [4, с. 11]. В отличие от чешуек на чаше, на крышке кадки чешуйки изображены контурно (рис. 1.4). Другой малоизвестной находкой является роговая поделка (заготовка рукояти?), происходящая из слоев X — середины XI вв. Троицкого XIII раскопа (2008, НГОМЗ). В качестве дополнительного примера подобного декора можно привести костяное острие из Гнездова, обнаруженное при раскопках центрального городища [12, с. 65–6]. Если говорить об этом декоративном мотиве в более широком контексте, то его распространение характерно для периферийного мира эпохи викингов, что справедливо отмечает Б. А. Колчин [4, с. 10–1]. Чешуйчатый декор был популярен в резьбе английских каменных крестов и в оформлении надгробной скульптуры «hogback» [13, pl. XLIV; 14, р. 45]. На территории Польского Поморья этот мотив встречается в декоре многих деревянных изделий из Жолте, Вроцлава, Гданьска и других мест Польского Поморья [15, р. 10]. Стоит отметить, что стилистика декора на всех польских предметах совпадает с новгородской чашей, где каждый элемент очерчен двойной линией по абрису.

Вариативность периферийного стиля борре не ограничивается лишь мотивом гаута. Другими не менее распространенными элементами являются цепочки, ши-

роко представленные в декоре произведений монументального и прикладного искусства Балтийского региона, в том числе на территории Древней Руси.

Одним из самых сложных вариантов периферийного борре с точки зрения используемых элементов является цепочка, изображенная на небольшом костяном изделии, предположительно томаре, найденном в строительном мусоре на Земляном городище в Старой Ладого. Композиция цепочки строится на переплетении миндалевидных сегментов, перехваченных круглыми петлями. Особое внимание необходимо обратить на тонкий контур, очерчивающий каждый сегмент и придающий изображению каркасность [16, с. 113]. Аналогичный по композиции и морфологии мотив цепочки можно обнаружить на костяной рукояти шила из Белоозера [17, рис. 240].

Ограниченность изобразительного ряда орнамента деревянных и костяных предметов Древней Руси в значительной мере восполняется примерами искусства эпохи викингов с сопредельных территорий балтийского побережья. Ближайшим из них является Малый Кауп (Восточная Пруссия, современная Калининградская область). Среди находок погребения выделяется ряд костяных накладок, декорированных короткими цепочками, состоящими из петлеобразных элементов с высвобожденными в виде заостренных петель концами [18, с. 6]. Морфология этих декоративных мотивов представляет гибрид мотива гаута, совмещенного с округлыми звеньями цепочек.

Наиболее разнообразно периферийный вариант искусства эпохи викингов представлен на территории Польского Поморья. Особое место здесь принадлежит Волину, который считается наиболее ранним центром взаимодействия славян и скандинавов на территории Польши [19, s. 145–54]. Художественные предметы из Волина могут быть условно разделены на три группы. К первой относятся предметы, оформленные в манере, характерной для классических стилей эпохи викингов. Самые древние из них, украшенные классическими мотивами борре, датируются первой половиной X в. Изобразительные мотивы второй группы, представленной в основном предметами из дерева и кости, имеют прямые стилевые параллели с мотивами цепочек борре на Британских островах [20]. В третью группу также входят резные деревянные и костяные предметы. Основным мотивом является цепочка, состоящая, как правило, из двух лент, перехваченных узлом. Новыми стилистическими особенностями являются двойной контур каждого элемента и штриховка пространства внутри каждого свободного «звена» цепочки.

Справедливо заметить, что Волин не является единственным центром, где распространяется это искусство. Аналогичные памятники обнаруживаются в Пыжице, Сантоке, Гданьске, Цольте, Камне-Поморски, Гнезно, Ополе, Насельске, Острове Ледницком [15, р. 10] и др. Именно в польской историографии данный художественный феномен рассматривался наиболее системно и получил название Померанской школы. Основной идеей изучения этого художественного феномена заключалась в том, что стиль борре приобрел собственный вариант развития на территории Польского Поморья при активных контактах местного населения и выходцев из Скандинавии.

Несмотря на достаточно длительную историю изучения Померанской школы, исследователи в поиске аналогий обращались лишь к памятникам монументальной резьбы Британских островов, в то время как пути развития этого искусства на южном побережье Балтийского моря рассматривались гораздо реже. Тем не менее

сфера распространения этого искусства охватывает также Хедебю, Гросс-Раден, Вустров, Нойбранденбург, Деммин, Гёрке [15, p. 10].

История развития стиля борре выходит за общепринятые хронологические рамки эпохи викингов. Процесс распространения этого искусства тесно связан с процессом колонизации викингами бассейна Балтийского моря. Впоследствии художественная традиция, распространяясь на новых территориях, оказывается в отрыве от первоначальной среды. Одним из результатов этого процесса является своеобразная консервация художественной традиции, в результате которой длительное время сохраняются элементы периферийного искусства эпохи викингов. Изоляция художественной традиции в результате приводит к упрощению главных изобразительных мотивов стиля, приобретших ряд характерных черт в зависимости от региона распространения. Наиболее длительный период существования элементов стиля борре наблюдается на территории Древней Руси. Нагляднее всего процесс ассимиляции этого искусства прослеживается на примере художественной резьбы древнего Новгорода, демонстрирующей сохранение традиции вплоть до XIII в.

К концу XI в. скандинавский компонент древнерусской материальной культуры постепенно изживается [21, с. 776–82]. Однако противоположную ситуацию можно наблюдать в развитии орнаментальных мотивов, получивших широкое распространение в декоре транспортных средств, мебели и утвари.

Цепочка становится наиболее распространенным мотивом борре, получившим развитие в искусстве эпохи викингов далеко за пределами Скандинавии. Наиболее характерным продолжением стиля борре является резьба копыла середины — второй половины XI в. (Троицкий-XIV раскоп, 2009, НГОМЗ) (рис. 3.1). Элементы, образующие сложные перехватывающие плетения этого декора, находят прямые стилистические параллели среди более ранних металлических изделий борре, в том числе в ременных наборах, оформлении наконечников ножен мечей и в антропоморфных масках-подвесках, где представляются в максимально упрощенном варианте [22, с. 209] (рис. 3.2–3.5).

Ясность образа и яркая художественная выразительность подобного рода переплетений делают их универсальным для любого изображения, позволяя обыгрывать сложные композиционные решения. Например, на чаше из Дании [5, p. 19] изображено распластанное тело, смоделированное плавным перехватом петель (рис. 3.6). Самая выразительная аналогия использования подобного рода композиционного решения находится в изображении фигурки летящего Вёлунда из Уппокры (Швеция) [25, p. 24]. Элементы оперения демонстрируют каркас, перехватывающий петлями руки и талию героя. Особое внимание обращает на себя композиционное решение хвоста. Его оперение «скреплено» узлом, охватывающим ноги героя двумя плавными петлями (рис. 3.7).

Наряду с этим встречаются и более усложненные варианты цепочек, состоящих из перехваченных узлами лент с двойным контуром. Примерами могут служить два фрагмента деревянных брусев (рис. 4.1–4.2). Структурная и стилистическая близость их декора сохраняется, различия имеют место в морфологии. В цепочке, изображенной на брусце начала XI в. (Суворовский раскоп, 1970), просматривается ось симметрии, пропущенная через центральные элементы трех узлов, расположенных ближе к обломанному краю. Следующие три узла демонстрируют спутан-

без масштаба

Рис. 3. Примеры использования элементов борре

3.1. Копыт с плетеной борре. Дерево, Великий Новгород. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции: Н-09, Тр. 14, 115-1777-78; 3.2. Ременной наконечник. Йорк, Англия [5, p.230]; 3.3. Наконечники мечей из (а) Ирзекапиниса, Польша; (б-в) Засина, Литва [23, p.107]; 3.4. Подвеска из Эстер, Дания [24]; 3.5. Подвеска из Упкры, Швеция [25, p.17]; 3.6. Серебряная чаша из Лейре, Аллерслев, Дания [5, fig. 63]; 3.7. Фигурка Вёлунда из Упкры, Швеция [25, p.24]

ность и нарушение логики построения в изображении петель из лент, перехваченных узлами, что в конечном итоге приводит к максимальному упрощению мотива.

Цепочка второго бруса (вторая половина XI — первая половина XII в.; раскоп Троицкий-ХIII, 2006), выполненная в более грубой манере, в значительной мере упрощена. Из центральных узловых элементов расходятся sdвоенные и перекрученные ленты, подчеркнутые двойным контуром. Однако идея узловой композиции, основанной на пересечении, здесь существенно схематизирована: вместо переплетения или перехвата лент в центр круга, обозначающего узел, помещена ромбовидная фигура.

Периферийный вариант стиля борре не прекращает свое существование даже тогда, когда из материальной культуры Новгорода уходит ярко выраженный скандинавский компонент. Композиционная идея цепочки упрощается и сводится к разложению на простые, легко воспроизводимые элементы. Примером может служить мотив, изображенный на грядке саней XI–XII вв. (Троицкий-ХII, 1999, НГОМЗ) (рис. 4.3). Главные стилистические особенности — двойной контур и штриховка незаполненного пространства (в данном случае за пределами круга) — сохраня-

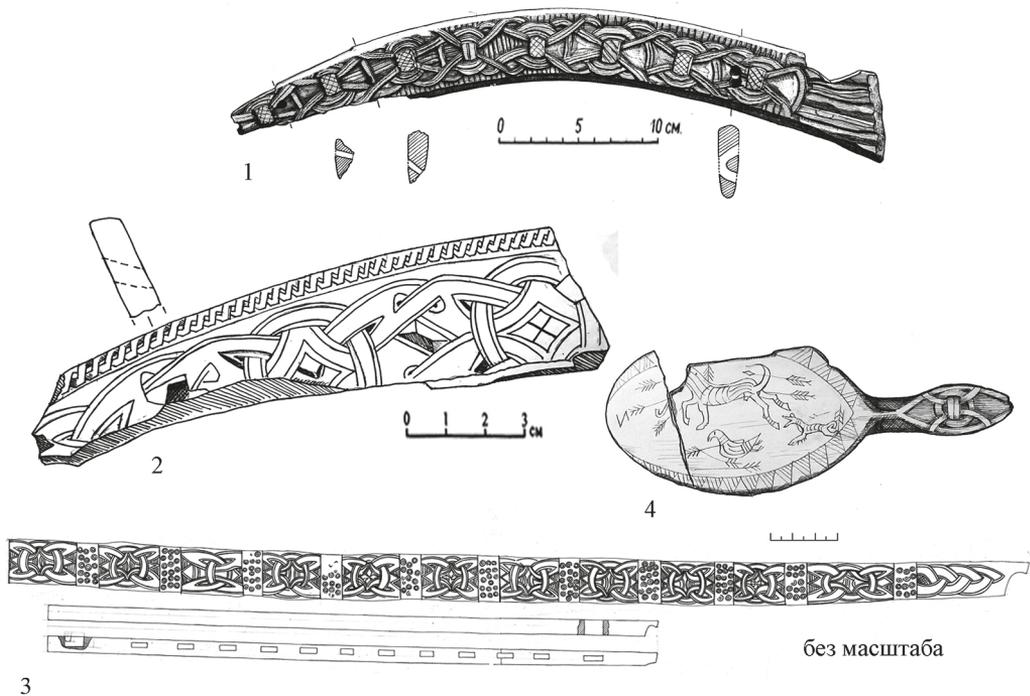

Рис. 4. Консервация явления и типизация элементов борре в новгородских памятниках XI–XIII вв.
 4.1. Резной брус, нач. XI в. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции: Н-1970, Сув. 37, 22-139а-4; 4.2. Резной брус, вт. пол. XI — пер. пол. XII вв. Рисунок автора; 4.3. Резная градка саней XI–XII вв. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции: Н-1999, Тр. 12, 14-1493-10; 4.4. Резная ложка кон. XII — нач. XIII в. Коллекционные описи НАЭ: Н-98, Тр. 12, 10-1516-89

ются, но нарушается сама идея цепочки, состоящей из переплетенных лент и объединяющих их звеньев.

Мотив цепочки продолжает существовать в новгородском прикладном искусстве до конца XII в., встречаясь главным образом в унифицированном декоре деревянных копылов. Наиболее распространенной резьбой являются заплетенные в цепочки узлы ленты, напоминающие косы. Широкая распространенность этого мотива дает возможность говорить о его массовости и, следовательно, позволяет выявить общее в морфологии и найти ряд аналогий. Наряду с этим имеется ряд стилистических признаков, характерных для всех типов цепочек и встречающихся на протяжении X–XII вв. К ним относятся тонкая линия, прочерченная по краю каждой ленты, и мелкая штриховка прямыми или пересекающимися линиями, заполняющая пустое пространство между элементами вне цепочки.

Длительное существование этого мотива и его стилистические особенности свидетельствуют об устойчивой художественной традиции, которая тем не менее нашла выражение только в декоре полозного транспорта. Среди предметов древнерусского прикладного искусства, в том числе и археологических находок, пока не удалось обнаружить декоративные мотивы, близкие тем, которые вырезались на новгородских копылах.

Максимально широкий вариативный ряд изображения цепочек, близкий мотивам на новгородских копылах, можно найти в Польском Поморье. Самые ранние примеры подобного декора встречаются среди костяных и деревянных находок Волина [26; 27]. В отличие от новгородского единообразия узловых переплетений лент, польские материалы демонстрируют больший вариативный ряд этого декора. Здесь встречаются как различные варианты цепочек, так и элемент мотива гаута. Наличие этого элемента, в свою очередь, позволяет связать поморскую художественную традицию с искусством эпохи викингов на территории Британских островов, например в Камбрии, и на острове Мэн [28].

Сопоставляя английский и древнерусский декор, нельзя не отметить структурную идентичность некоторых цепочек каменных крестов и резьбы новгородских копылов [14]. В этом родстве, однако, не приходится усматривать непосредственное влияние или взаимовлияние искусства двух регионов. Правомернее было бы поставить вопрос об одновременных этапах развития искусства борре на периферии скандинавского мира эпохи викингов. Гипотеза о единстве изобразительной традиции, сформированной на основе оригинального стиля, вынесенного за пределы первоначальной художественной среды и получившего упрощение мотивов, вполне могла бы объяснить единство декора деревянных, костяных, металлических и каменных произведений на территории Британии, Польского Поморья и Северо-Западной Руси.

Работа с произведениями британской каменной скульптуры эпохи викингов существенно осложняется из-за отсутствия точных датировок [28], в то время как археологические находки Волина и Новгорода имеют точные даты. Самые ранние предметы с характерным декором-цепочкой в Волине встречаются во второй половине X в., в Новгороде появление копылов с аналогичной резьбой относится к концу X в., самые поздние экземпляры могут датироваться рубежом XII–XIII вв. [29, с. 132]. Вероятно, одним из последних этапов существования этой художественной традиции можно считать резьбу рукояти одной из ложек второй четверти XII в. (раскоп Троицкий-ХII, 1998, НГОМЗ), декор которой представляет сильно упрощенный вариант узлов, представленных на изделиях XI в. (рис. 4.4). Столь длительный период существования неизменного мотива делает актуальным вопрос о сохранении элементов искусства эпохи викингов в прикладном искусстве Великого Новгорода. Это явление вполне можно было назвать периферийным искусством эпохи викингов.

Многообразные мотивы, описанные выше, объединены не только морфологической близостью структуры декора, но и стилистическим единством художественных приемов, использовавшихся для декора деревянных и костяных предметов.

Уникальным предметом являются небольшие новгородские ножны X в. (Троицкий раскоп, усадьба «П», 1994, НГОМЗ) [21, с. 773], декорированные абстрактными орнаментальными фигурами и изображением сильно стилизованной птицы (рис. 5.1).

Изображения на ножнах не являют смыслового единства, однако между двумя декоративными мотивами и изображением птицы можно выявить стилистическую общность, проявляющуюся в двойном контуре, единообразной проработке деталей отдельных мотивов. Характер разбивки внутренних деталей поверхности включает небольшие двойные отрезки и мелкую, аккуратную ромбическую штриховку.

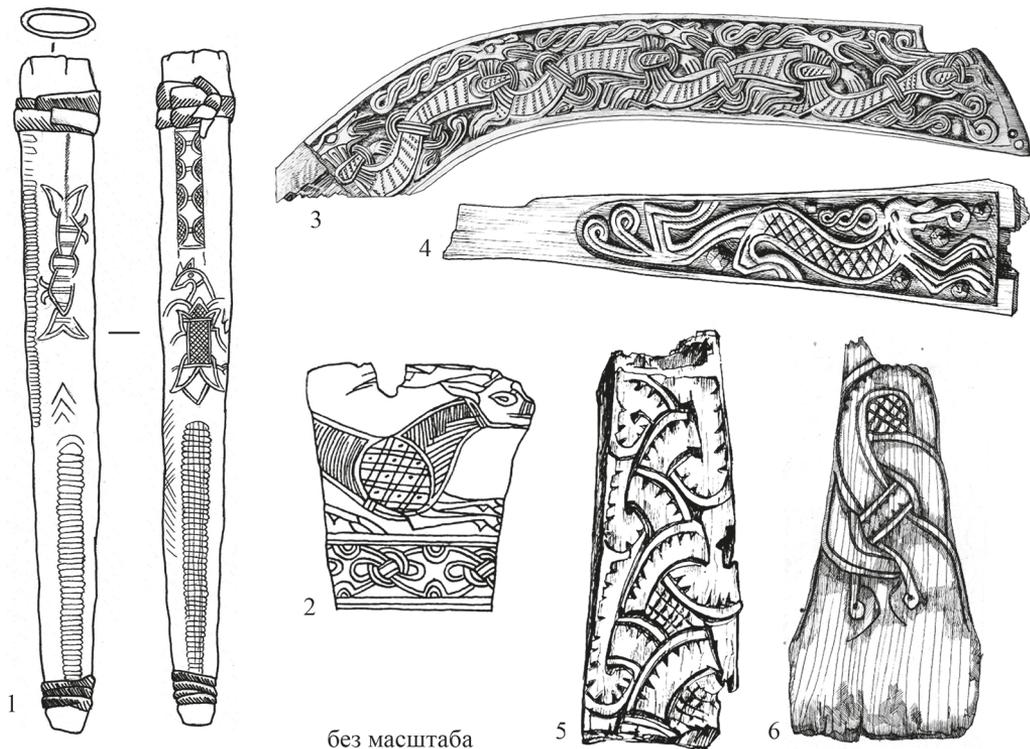

Рис. 5. Стилистическое единство

5.1. Ножны, X в. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, КП-41170, А-170, рисунок автора; 5.2. Фрагмент костяного томара [30, с. 420]; 5.3. Резной подлокотник, нач. XI в. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции — 1970; 5.4. Копыл с драконом, XI в. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции: Н-1987, Тр. 8, 19-873-25, яр. 22; 5.5. Резной копыл. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции: Н-1975, Тр. II-III, 20-132-2; 5.6. Резной копыл. Коллекционные описи Новгородской археологической экспедиции: Н-1977, Тр. IV, 14-185-1408

Стилистическую аналогию новгородской птицы можно обнаружить среди деревянных предметов Волина. Этой аналогией является изображение орнитоморфного существа на обломке деревянной рукояти из Волина (вторая половина X в.), которая была найдена во время раскопок в Старом городе. Стилевая принадлежность двух изображений разнится: если новгородская птица в силу большой степени схематизации образа стоит скорее вне стиливых направлений, то образ из Волина в польской историографии ассоциируется со стилем броа (середина VIII — первая четверть IX в.) [19, s. 205, 213]. Однако стилистическое решение обоих изображений идентично: тела существ моделированы тонкой линией с двойным контуром, а внутренняя поверхность туловища, образующая слишком активные пустоты, аккуратно заполнена косой штриховкой.

Наиболее «реалистичный» вариант этой стилистики характерен для изображения оленя на томаре из Старой Ладоги (рис. 5.2). Обращает на себя внимание диссонанс между реалистичным изображением головы, рогов и копыт оленя и повышенной декоративностью туловища животного, обведенного контуром — не-

отъемлемой частью структуры тела животного, ее моделирующая основа, разделяющая фигуру на анатомические части, в то время как заполнения образовавшихся ячеек являются дополнительными вариативными элементами [16].

Стилистическое единство прослеживается и в более сложных вариациях широко распространенного мотива цепочки. Одним из самых сложных вариантов этого мотива является изображение фантастических существ на резном бруске XI в. (Неревский раскоп, усадьба «И», 1958, НГОМЗ) (рис. 5.3). Узловая структура цепочки образуется переплетением частей тел животных. Их фигуры развернуты в профиль и изображены плоскостно; тем не менее у каждого из них угадывается по две пары ног: передняя читается четко, задняя является поперечным элементом небольшой петли в окончании туловища зверя. Образованный узел перехватывает шею соседнего зверя. Еще один узел образует язык животного, перехватывающий туловище посередине.

Изображение тел в значительной мере усложнено по сравнению с вышеупомянутыми орнитоморфными образами, но стилистический принцип остается тем же: каждый элемент тела животных очерчен двойным контуром, внутренняя поверхность проработана насечками в виде зубцов.

Образ зверя на новгородском подлокотнике близок изображению на копыле от детских санок середины XI в., найденном на восьмом Троицком раскопе в 1987 г. (НГОМЗ) (рис. 5.4). Фигура животного имеет ряд отличий, но тело по-прежнему очерчено контуром, который четко читается только по абрису спины и живота, постепенно сливаясь с линиями лап и хвоста. Туловище «дракона» заполнено мелкими ромбовидными насечками, пересекающимися крест-накрест.

Стилистические приемы, характерные для фигуративных композиций, находят применение и в типизированном декоре копылов (рис. 5.5–5.6). Каждая такая цепочка состоит из одного-двух плотно перевитых узлов, очерченных двойным контуром. Пустоты, образованные элементами декора, также заполняются штриховкой, в то время как сами ленты могут дополняться зубцеобразными насечками. Наиболее зрелищным примером использования этого элемента является нестандартная цепочка копыла XI в. (Троицкий раскоп, 1975, НГОМЗ). Вместо привычных узлов его декор состоит из переплетающихся петель, каждая из которых дополнена двойным контуром с одной стороны и небольшими засечками по внутреннему краю. Свободное пространство между петлями заполнено мелкой ромбической штриховкой.

В заключение можно сказать следующее.

По мере распространения и удаления от Скандинавии стиль борре получает периферийный вариант развития. Основными художественными элементами декора являются декоративные цепочки, дополненные двойным контуром и штриховками, широко распространен мотив гаута. Появление периферийного борре наиболее характерно для искусства эпохи викингов на территории Польского Поморья и Британских островов.

Мотивы периферийного борре встречаются в прикладном искусстве Древней Руси лишь в единичных экземплярах. В частности, среди наиболее ранних деревянных находок Древнего Новгорода известны предметы, декор которых был сформирован под влиянием скандинавской художественной традиции. Эти элементы декора не имеют прямой связи с основными стилями скандинавского искусства

X в., но находят прямые параллели на периферии скандинавского художественного мира — Польского Поморья и Британских островов.

Данное художественное явление не локализуется в границах Северо-Запада, но также прослеживается на Северо-Востоке и территории Южной Руси, что отображается преимущественно в произведениях косторезного ремесла.

В то время как на территории Скандинавии этот стиль прекращает существование уже в X в., на территории Руси основные мотивы не только сохраняются, но и получают дальнейшее художественное развитие в XI в.

Сохранение изобразительной традиции находит выражение в типизации и схематизации основных декоративных мотивов, бытование которых можно проследить до конца XII в.

Литература

1. Рыбина, Елена и Наталья Хвоцинская. “Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода”. В сб. *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова*, под ред. Александра Мусина, 66–78. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
2. Wilson, Devid and Ole Klindt-Jensen. *Viking Art*. London: G. Allen and Unwin, 1980.
3. Колчин, Борис. *Новгородские древности. Деревянные изделия (САИ; Е-1)*. М.: Наука, 1986.
4. Колчин, Борис. *Новгородские древности. Резное дерево (САИ; Е1-55)*. М.: Наука, 1971.
5. Graham-Campbell, James. *Viking Artefacts. A select Catalogue*. London: British museum Publ., 1980.
6. Lang, James. “The distinctiveness of Viking Colonial Art”. In *Sources of Anglo-Saxon Culture*, ed. by Paul Szarmach, and Virginia Oggins, 243–60. Kalamazoo: Western Michigan University, 1986.
7. Graham-Campbell, James. “An Anglo-Scandinavian ornamented knife from Canterbury, Kent”. *Medieval Archaeology*, no. 22 (1978): 130–3.
8. Kershaw, Jane. “Scandinavian-style Metalwork from Southern England: New Light on the ‘First Viking Age’ in Wessex”. In *Danes in Wessex. The Scandinavian Impact on Southern England, c. 800–1100*, ed. by Ryan Lavelle, and Simon Roffey, 87–108. Oxford: Oxford & Philadelphia, 2016.
9. Гринев, Андрей. “Усадьбы Неревского конца средневекового Новгорода в X веке (по материалам Неревского раскопа)”. Дис. канд. ист. наук, Московский государственный университет, 2019.
10. Молчанов, Аркадий. “Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения”. В кн. *Древнейшие государства Восточной Европы*, под ред. Михаила Бибикова, 250–70. М.: Индрик, 2008.
11. Молчанов, Аркадий. “Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика”. В кн. *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама*, под ред. Николая Макарова, 436–48. М.; Вологда: Древности Севера, 2012.
12. Пушкина, Тамара. “Изделия косторезного ремесла из Гнёздова”. В сб. *Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ*, no. 82 (1993): 57–68.
13. Kendrick, Thomas. *Late Saxon and Viking Art*. London: METHUEN & CO.LTD, 1949.
14. Kermode, Philip. *Manx Crosses*. Balgavies: The Pinkfit Press, 1994.
15. Filipowiak, Wojciech and Nadezhda Tochilova. “Art as a Symbol of Social Change: Material Expression of Forming Identity in the Early Medieval Trade Towns around South and Eastern Baltic. Wolin and Novgorod Case Study”. *Praehistorische Zeitschrift*, no. 95/22 (2020): 1–17. <https://doi.org/10.1515/pz-2020-0028>
16. Точилова, Надежда, и Анна Слапиня. “Находка с земляного городища Старой Ладogi в контексте распространения скандинавского искусства на славянских территориях”. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, no. 1/79 (2020): 110–21. <https://doi.org/10.25986/IRI.2020.79.1.008>
17. Захаров, Сергей. *Древнерусский город Белоозеро*. М.: Индрик, 2004.
18. Кулаков, Владимир. “Плетеный орнамент в древностях пруссов”. *Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, no. 4/22 (2019): 1–9.
19. Stanisławski, Błażej. “Udział wikingów w powstawaniu państwa wczesnopiastowskiego”. *Spór o początki państwa polskiego*, ed. by Wojciech Drelicharz, Dominica Jasiak, and Jacek Poleski, 139–66. Kraków: Historia Iagellonica, 2017.

20. Hucke, Karl. "Das Ringkettenmuster auf Holz- und Knochengerten der fruhgeschichtlichen Zeit in Ostdeutschland". *Altschlesien*, no. 8 (1939): 133–8.
21. Мусин, Александр, и Ольга Тарабардина. "Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии". *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, no. 64/2 (2019): 762–85. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.218>
22. Точилова, Надежда. "Новгородские резные копылы X–XII вв.: типология и происхождение декора". В сб. *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXIII научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.Л. Янина. Великий Новгород, 22–24 января 2019 г.* Выпуск 33, отв. ред. Е. А. Рыбина, 208–13. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2020.
23. Hedenstierna-Jonson, Charlotte. "A group of Viking Age sword shapes reflecting the political geography of the time". *The Journal of Nordic Archaeological Science*, no. 13 (2002): 103–12.
24. Władysław, Duczko. *Moce wikingów. Świat wczesnośredniowiecznych Skandynawów*. Warszawa: Erica, 2016.
25. Helmbrecht, Michaela. "Figures, foils and faces — fragments of a pictorial word. Anthropomorphic images from the Vendel period and Viking Age found at Uppåkra". *Folk, fä och fynd. Uppåkrastudier 12. Acta Arch. Lundensia*, no. 12 (2013): 9–31.
26. Kowalska, Anna. "Original or imitation? Comments on the presence of the Scandinavians at the estuary of the Oder River in the Early Middle Ages". *Scandinavian Culture in Medieval Poland*, ed. by Sławomir Moździoch, Błażej Stanisławski, and Przemysław Wiszewski, 247–67. Wrocław: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 2013.
27. Stanisławski, Błażej. "Norse culture in Wolin-Jomsbyrg". In *Scandinavian Culture in Medieval Poland*, ed. by Sławomir Moździoch, Błażej Stanisławski, and Przemysław Wiszewski, 193–247. Wrocław: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 2013.
28. Fuglesang, Signe. "The Relationship between Scandinavian and English Art from the Late Eight to Mid-Twelfth Century". In *Sources of Anglo-Saxon Culture*, ed. by Paul Szarmach, and Virginia Oggins, 203–41. Michigan: Western Michigan University, 1986.
29. Дубровин, Геннадий. *Водный и сухопутный транспорт Древнего Новгорода X–XV вв.* М.: Старый сад, 2000.
30. Васильев, Борис. "Костяное изделие из Старой Ладogi". *Русь и Южные Славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987)*. Отв. ред. В. М. Загребин. 419–429. Спб.: Алетей, 1998.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 13 февраля 2023 г.

Контактная информация:

Точилова Надежда Николаевна — канд. ист. наук; arhivolt@yandex.ru

New Perspectives on Studying Art of the Baltic Region in the 10th–12th Centuries: The Issue of Artistic Interaction between Scandinavia and Ancient Rus'

N. N. Tochilova

St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
13–15, Solyanoy per., St. Petersburg, 191028, Russian Federation

For citation: Tochilova, Nadezhda. "New Perspectives on Studying Art of the Baltic Region in the 10th–12th Centuries: The Issue of Artistic Interaction between Scandinavia and Ancient Rus'". *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 13, no. 2 (2023): 361–375. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.209> (In Russian)

The aim of this research is to study the development of Scandinavian art outside of Scandinavia. The main attention is focused on the process of influence of the Borre style elements

on the applied art development in North-West Russia of the 10th–12th centuries. The main sources of artistic influence should be not Scandinavia, but the territory of distribution of Scandinavian art, in particular, Pomerania and the British Isles. The stylistic analysis reveals the use of identical elements of decor, where the main place have the highly simplified Borre style motifs (chains and scale motifs), supplemented by a double contour and hatching. It is possible to trace the process of Borre's assimilation using carved wooden artefacts from Novgorod the Great. Development of this art in the 10th century was influenced by the art of Viking Age. The preservation of these stylistic features can be traced in Novgorod art up to and including the 12th century. One of the actual problems of this phenomenon is the analysis of the decorative schemes and the appearance of the main visual elements.

Keywords: Scandinavian art, art of Ancient Rus', applied art, Novgorod the Great, Slavs and Scandinavian, Viking Age in the Medieval Rus', Pomeranian art, art and archaeology.

References

1. Rybina, Elena and Natalia Hvoshhinskaia. "Once again about the Scandinavian finds from excavations in Novgorod". In *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia Evgeniia Nikolaevicha* Nosova, ed. by Alexander Musin, 66–78, St Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2010. (In Russian)
2. Wilson, Devid and Ole Klindt-Jensen. *Viking Art*. London, G. Allen and Unwin Publ., 1980.
3. Kolchin, Boris. *Novgorod's antiquities. Wooden objects (Corpus of Archaeological Sources, E-1)*. Moscow: Nauka Publ., 1986. (In Russian)
4. Kolchin, Boris. *Novgorod's antiquities. Wooden carwing objects (Corpus of Archaeological Sources, E1-55)*. Moscow: Nauka Publ., 1971. (In Russian)
5. Graham-Campbell, James. *Viking Artefacts. A select Catalogue*. London: British museum Publ., 1980.
6. Lang, James. "The distinctiveness of Viking Colonial Art". In *Sources of Anglo-Saxon Culture*, ed. by Paul Szarmach and Virginia Oggins, 243–60, Kalamazoo: Western Michigan University Publ., 1986.
7. Graham-Campbell, James. "An Anglo-Scandinavian ornamented knife from Canterbury, Kent". *Medieval Archaeology*, no. 22 (1978): 130–3.
8. Kershaw, Jane. "Scandinavian-style Metalwork from Southern England: New Light on the 'First Viking Age' in Wessex". In *Danes in Wessex. The Scandinavian Impact on Southern England, c. 800 — c. 1100*, ed. by Ryan Lavelle, and Simon Roffey, 87–108. Oxford: Oxford & Philadelphia, 2016.
9. Grinev, Andrei. "Nerevsky end's estates of Medieval Novgorod of the 10th century: A case study of the Nerevsky site". DA diss., Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 2019. (In Russian).
10. Molchanov, Arcadii. "Signs of Ryriks: results and problems of study". In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy*, ed. by Bibikov, Michail. Moscow: Indrik Publ., 2008. (In Russian)
11. Molchanov, Arcadii. "Signs of Ryriks: emblems of Old Russian princes". In *Rus in the 9th–10th centuries. Archaeological panorama*, ed. by Nikolai Makarov, 436–48. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2012. (In Russian)
12. Pushkina, Tamara. "Bone-cutting handicrafts from Gnezdovo". In *Srednevekovye drevnosti Vostochnoi Evropy. Trudy GIM*, no. 82 (1993): 57–68. (In Russian)
13. Kendrick, Thomas. *Late Saxon and Viking Art*. London: METHUEN & CO.LTD, 1949.
14. Kermodé Philip. *Manx Crosses*. Balgavies: The Pinkfiit Press, 1994.
15. Filipowiak, Wojciech and Nadezhda Tochilova. "Art as a Symbol of Social Change: Material Expression of Forming Identity in the Early Medieval Trade Towns around South and Eastern Baltic. Wolin and Novgorod Case Study". *Praehistorische Zeitschrift*, no. 95/22 (2020): 1–17. <https://doi.org/10.1515/pz-2020-0028>
16. Tochilova, Nadezhda, and Anna Slapinia. "A unique archaeological find from the Zemlyanoe Gorodische of Old Ladoga in the context of the spread of Scandinavian art in the Slavic territories". In *Drevnii-aia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 1/79 (2020): 110–21. <https://doi.org/10.25986/IRI.2020.79.1.008> (In Russian)
17. Zaharov, Sergei. *Beloozero, Old Russian town*. Moscow: Indrik Publ., 2004. (In Russian)
18. Kulakov, Vladimir. "The interlaced ornament in Prussian antiquities". In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo*, no. 4/22 (2019): 1–9. (In Russian)

19. Stanisławski, Błażej. “Udział wikingów w powstawaniu państwa wczesnopiastowskiego”. *Spór o poszatkę państwa polskiego*, ed. by Wojciech Drelicharz, Dominica Jasiak, and Jacek Poleski, 139–66. Kraków: Historia Iagellonica, 2017.
20. Hucke, Karl. “Das Ringkettenmuster auf Holz- und Knochengewandstücken der frühgeschichtlichen Zeit in Ostdeutschland”. *Altschlesien*, no. 8 (1939): 133–8.
21. Musin, Alexander, and Olga Tarabardina. “The Scandinavians among the First Settlers of Novgorod on the Basis of Archaeological Evidence”. In *Vestnik of Saint Petersburg University. Istorija*, no. 2/64 (2019): 762–85. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.218> (In Russian)
22. Tochilova, Nadezhda. “Carved uprights of 10th–12th centuries from Novgorod the great. Typology and origin of decorum”. In *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istorii i arheologii. Materialy XXXIII nauchnoi konferencii, posviashhennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia V.L. Ianina. Velikii Novgorod, 22–24 ianvaria 2019 g.* Iss. 33, ed. by E. A. Rybina, 208–13. Velikii Novgorod: Novgorodskii muzei-zapovednik Publ., 2020. (In Russian)
23. Hedenstierna-Jonson, Charlotte. “A group of Viking Age sword shapes reflecting the political geography of the time”. *The Journal of Nordic Archaeological Science*, vol. 13 (2002): 103–12.
24. Władisław, Duczko. *Moce wikingów. Świat wczesnośredniowiecznych Skandynawów*. Warszawa: Erica, 2016.
25. Helmbrecht, Michaela. “Figures, foils and faces — fragments of a pictorial word. Anthropomorphic images from the Vendel period and Viking Age found at Uppåkra”. *Folk, fä och fynd. Uppåkrastudier 12. Acta Arch. Lundensia*, no. 12 (2013): 9–31.
26. Kowalska, Anna. “Original or imitation? Comments on the presence of the Scandinavians at the estuary of the Oder River in the Early Middle Ages”. *Scandinavian Culture in Medieval Poland*, ed. by Sławomir Moździoch, Błażej Stanisławski, and Przemysław Wiszewski, 247–67. Wrocław: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 2013.
27. Stanisławski, Błażej. “Norse culture in Wolin-Jomsbyrg”. In *Scandinavian Culture in Medieval Poland*, ed. by Sławomir Moździoch, Błażej Stanisławski, and Przemysław Wiszewski, 193–247. Wrocław: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 2013.
28. Fuglesang, Signe. “The Relationship between Scandinavian and English Art from the Late Eight to Mid-Twelfth Century”. In *Sources of Anglo-Saxon Culture*, ed. by Paul Szarmach, and Virginia Oggins, 203–41. Michigan: Western Michigan University, 1986.
29. Dubrovin Gennadii. *Water and land transport of Ancient Novgorod in the 10th–15th centuries*. Moscow: Staryi sad Publ., 2000. (In Russian)
30. Vasilev, Boris. “The Bone Object from Old Ladoga”. In *Rus’ i Iuzhnye Slaviane. Sbornik statei k 100-letiiu so dnia rozhdeniia V.A. Moshina (1894–1987)*, ed. by Vyacheslav Zagrebin, 419–29. St Petersburg, Aleteya Publ., 1998. (In Russian)

Received: September 6, 2021

Accepted: February 13, 2023

Author’s information:

Nadezhda N. Tochilova — PhD in History; arhivolt@yandex.ru